

Чэнь Усуй в одиночестве сидел в ванне. На первый взгляд он просто спокойно мылся, но в мыслях всю критикувал мастерство Пэй Сюня.

— Ты так долго? — Пэй Сюнь толкнул дверь ванной и посмотрел на Чэнь Усюя.

Тот притворно вздрогнул и медленно повернул голову. Даже в этом движении было нечто прекрасное. Пэй Сюнь, разумеется, не догадывался, что всё это — заранее спланированный, порочный соблазн. Он лишь чувствовал, как сильно ему это нравится.

Нравится, безумно нравится, до дрожи в коленях.

Особенно ему нравилось видеть, как Чэнь Усуй дрожит от страха, как сходит с ума в приступах отчаяния, как плачет и молит о пощаде. Любые горестные, жалкие эмоции, стоило им связаться с Чэнь Усюем, становились невероятно притягательными. От них невозможно было отвести взгляд, сердце начинало бешено колотиться при виде того, как он в испуге пятится назад, умоляя о пощаде.

Какая прекрасная поза. Разве можно удержаться и не заставить его рыдать еще горше?

Как же мило наблюдать за тем, как он мечется в безумных попытках спастись, как сходит с ума в стремлении сбежать. Он любовался Чэнь Усюем так же, как тот любовался им.

Услышав слова Пэй Сюня, Чэнь Усуй поджал губы и промолчал. Его пугающая тишина казалась неестественной.

Будь то безумные попытки к бегству и мольбы или сломленная, онемевшая покорность — всё это были те самые образы, которые так нравились Пэй Сюню.

Пэй Сюнь не стал уводить Чэнь Усюя из ванной. Вместо этого он взял его за руку и вернул обратно к умывальнику. Чэнь Усуй подумал, что Пэй Сюнь настолько изголодался, что готов заняться чем-то странным прямо сейчас, но тот проявил неожиданную серьезность: он просто помог Чэнь Усюю привести себя в порядок.

Столкнувшись с недоумением Чэнь Усюя, Пэй Сюнь, как и прежде, мягко объяснил:

— Если слишком долго сидеть в воде, можно заболеть. А если ты сбежишь, пока мы будем в больнице, я очень расстроюсь.

Чэнь Усуй не ожидал таких слов. На мгновение его охватил страх, словно его мысли были прочитаны, и тело невольно напряглось.

Пэй Сюнь, чья рука лежала на плече Чэнь Усюя, конечно, почувствовал это. Он лишь небрежно

усмехнулся, ничего не ответив, словно его действительно ничуть не заботили мысли Чэнь Усюя о побеге.

Пэй Сюнь наклонился к самому лицу Чэнь Усюя и медленно провел рукой по его волосам. Он смотрел, как остекленевшие глаза Чэнь Усюя смотрят в пустоту, как капли воды, словно слезы, срываются с его ресниц.

— Малыш... ты говорил, что вызвал полицию. Представим, что меня арестовали, я отсидел пару лет и вышел. Что ты будешь делать тогда?

Пэй Сюнь издал тихий, зловещий смешок:

— Тебе от меня не избавиться. Я буду вечно... вечно смотреть на тебя.

Тело Чэнь Усюя одеревенело. От страха его дыхание стало прерывистым, а по спине, словно проклятие, пробежала дрожь, заставив его ссутулиться.

Чэнь Усюй в панике поднял руки, все еще покрытые пеной, и вцепился в плечо Пэй Сюня. Он долго оставался в этой напряженной позе.

Пэй Сюнь положил вторую руку на обнаженное плечо Чэнь Усюя. Тот сильно вздрогнул, словно хотел отстраниться, но под тяжестью немого давления замер. Его пальцы судорожно сжимали руку Пэй Сюня.

Словно сдаваясь или пытаясь показать свою слабость, он подался вперед, сам приник к нему и коснулся лбом тыльной стороны ладони Пэй Сюня. Его голос дрожал, срываясь на слабый, едва слышный плач:

— Не... не вызывай полицию... Я не буду... звонить в полицию... Не надо... не держи меня... не смотри на меня...

Пэй Сюнь слегка опустил веки. В его облике, обычно мягком, как вода, проступил ледяной, пронизывающий холод. Он медленно погладил дрожащую спину Чэнь Усюя, и в его голосе зазвучала опасная усмешка:

— Усюй... будь послушным.

Чэнь Усюй выглядел куда спокойнее. Он больше не рвался наружу и не противился близости, став точь-в-точь таким, каким и должен быть послушный возлюбленный.